

В. А. Журавлева

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА «ХОЗЯЕВА» СРЕДИ ГОРОЖАН УРАЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1920-х гг.)

V. A. Zhuravleva

THE SOCIAL GROUP «MASTERS» AMONG THE CITIZENS OF URALS (BASED ON CENSUS 1920)

Статья посвящена малоизученной в уральской историографии проблеме — социальной группе «хозяева» в уральских городах. Автор обращает внимание на неоднородность данной социальной группы горожан, включавшей хозяев с наемными рабочими, хозяев, работавших только с членами семьи, и хозяев-одиночек. Приводится динамика численности каждой из перечисленных социальных групп и их удельного веса среди самостоятельных горожан, анализируется их деятельность и доля в отраслях народного хозяйства региона в 1920-х гг. Автор приходит к выводу, что специфика экономики края повлияла на занятия хозяев, которые в 1926 г. были задействованы, прежде всего, в кустарно-ремесленном производстве.

Ключевые слова: историческая демография, городское население Урала, социальная структура населения, перепись населения.

The article is devoted to the little-known problem in the historiography of the Urals — the social group of “masters” in the Ural cities. The author draws attention to the heterogeneity of the social group of citizens that included home with hired workers, owners, working only with family members, and owners of single. The dynamics of the number of each of these social groups and their share of amateur citizens, analyzes their work and share in the national economy of the region in the 1920s. The author comes to the conclusion that the specific impact on the regional economy class hosts, who in 1926 were engaged primarily in handicraft production.

Keywords: historical demography, Ural urban population, the social structure of the population, population census.

Новая экономическая политика восстановила хозяйственную жизнь городов и возродила рыночные отношения и связанные с этим социальные структуры. Среди самостоятельных горожан была социальная группа «хозяева», зафиксированная переписями 1920-х гг. Изучение ее в составе жителей уральских городов началось еще в годы НЭПа¹. Но впоследствии региональные ученые утратили интерес к этой проблеме, сосредоточившись на политике власти по вытеснению буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения из уральской экономики². На общесоюзном уровне продолжилось изучение социальной структуры населения³. Появились подобные исследования исследования социальной структуры горожан в годы новой экономической политики как в рамках советского государства⁴, так и отдельных регионов⁵. Но на Урале до сих пор нет работ по социальной характеристике городов в годы нэпа. Цель данной работы — на основе результатов переписей 1920 г., 1923 г. и 1926 г. дать демографическую характеристику социальной группы «хозяева» в уральских городах. Исследование ведется в рамках Уральской области, образованной 3 ноября 1923 г. из Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний. Данное административно-территориальное образование включало современные Курганскую, Пермскую, Свердловскую, Тюменскую и Челябин-

скую области и часть Удмуртской автономии.

В состав хозяев входили социальные группы «хозяева с наемными рабочими», «хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества» (во время переписи 1926 г. эта группа называлась «хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели»), «хозяева-одиночки». Переписи 1920-х гг. показали устойчивый рост абсолютного числа данной категории самостоятельного населения уральских городов. Если в 1920 г. хозяев насчитывалось 41 371 чел., в 1923 г. — 55 360, то в 1926 г. — уже 68 085 чел. В первые годы нэпа выросла и их доля среди занятых горожан с 8,3 (1920 г.) до 12,7% (1923 г.). Но в 1926 г. удельный вес хозяев среди горожан Уральской области несколько сократился — до 11,5%, уступив свои позиции иждивенцам⁶.

На Урале за 1923—1926 гг. прирост категории «хозяева» составил 99,8%, в то время как группа «хозяева, работающие только с членами семьи» выросла на 63,5%, а группа «хозяева-одиночки» — всего на 4,3%⁷. Вместе с тем в 1920-е гг. численность предпринимателей оставалась небольшой, невысоким был и их удельный вес в занятом населении городов. В 1923 г. в регионе их насчитывалось всего 1321 чел., а их доля среди самостоятельных горожан региона составила 0,3% и была ниже аналогичного показателя по городам СССР, РСФСР и Европейской

Исторические науки

России (0,4%)⁸. В 1926 г. хозяев с наемными рабочими в городах Уральской области стало 2640 чел. или 0,4% всех занятых горожан, что по-прежнему было гораздо ниже, чем по городам СССР и РСФСР (0,7%), Европейской России (0,6%)⁹ и особенно по сибирским городам (14%)¹⁰.

Таким образом, в уральских городах за период с 1923 по 1926 гг. при росте абсолютной численности хозяев с наемными рабочими почти в два раза их доля среди самостоятельных горожан региона мало изменилась — всего на полпроцента.

К нэпмановской буржуазии принадлежала и часть «хозяев, работающих только с членами семьи». По мнению Л. Ф. Морозова, одного из авторов коллективной монографии¹¹, таковыми являлись торговцы, эксплуатировавшие членов своей семьи: владельцы трактиров, чайных, крупных лавок и других торговых заведений. Видимо, к буржуазии может быть отнесена и часть «хозяев, работающих только с членами семьи», занятых и в других отраслях хозяйства, где имели место случаи замаскированного найма и эксплуатации рабочей силы. Но схемы разработки переписей 1920-х гг. не дают возможности дать точные сведения об этой последней группе хозяев¹².

Незначительная численность нэпмановской буржуазии (хозяев с наемными рабочими) была обусловлена особенностями ее общественного положения. Она, в отличие от буржуазии капиталистических стран, не могла рассчитывать на поддержку со стороны государственной власти. Наоборот, с момента перехода к нэпу сфера частнокапиталистического предпринимательства была ограничена системой государственного контроля и регулирования¹³, что препятствовало расширению предпринимательской деятельности в 1920-е гг.

Переписи восстановительного периода позволяют определить, в каких областях «нэпманы»-горожане развивали свою деятельность на Урале. Данные табл. 1¹⁴ показывают, что в 1920 г. на Урале подавляющее большинство хозяев-горожан с наемными рабочими (86%) занималось сельским хозяйством. Доля лиц, использовавших чужой труд, составляла в кустарно-ремесленной промышленности 8%, транспорте — 2, торговле — 1,5%. За годы осуществления нэпа в городах региона увеличилось число хозяев, использовавших чужой труд, во всех отраслях народного хозяйства. За период между двумя переписями (1923 и 1926 гг.) число «нэпманов» здесь выросло более чем в 3 раза. При этом доля их в промышленности и

строительстве увеличилась с 32,5 до 54,2%, торговле — с 9,8 до 17,3%. Особенно значительным был рост предпринимателей в кустарно-ремесленной промышленности. Здесь их число выросло почти в 4 раза, а доля их среди представителей названной социальной группы возросла с 26 до 47,7%. Выросло и число хозяев с наемными рабочими на транспорте, но их удельный вес оставался по-прежнему небольшим (1923 г. — 0,9%, 1926 г. — 2,4%). Вместе с тем при незначительном увеличении предпринимателей, занимавшихся сельским хозяйством, удельный вес их среди представителей данной социальной группы упал с 40,9 до 25,7%. Таким образом, в 1926 г. в городах Уральской области хозяева с наемными рабочими концентрировались, главным образом, в кустарно-ремесленной промышленности, сельском хозяйстве и торговле.

Сложившаяся в СССР в 1920-е гг. политическая и социально-экономическая обстановка повлияла на сферу приложения частного капитала. На основании декрета Совнаркома от 5 июля 1921 г.¹⁵ в уральскую промышленность был допущен частный капитал в двух формах. Во-первых, в виде аренды государственных предприятий. Во-вторых, в форме иностранной концессии. Однако частный капитал не получил развития в крупной промышленности Урала. Здесь его позиции были слабее, чем в целом по стране. В 1924/25 г. в Уральской области действовало всего 26 частных ценовых предприятий, доля которых была 4,5% от общего числа крупных предприятий. На них было занято 0,3% рабочей силы фабрично-заводской промышленности края¹⁶. Удельный вес частнокапиталистических заведений в ценовой промышленности СССР в это время составил по числу предприятий 17,4%, количеству рабочих — 2,4%¹⁷. Поэтому-то в уральских городах было крайне мало фабрикантов и заводчиков, хотя, как показывают данные табл. 1, за 1923—1926 гг. их число выросло более чем в два раза. Но удельный вес крупных предпринимателей-горожан края среди хозяев с наемными рабочими так и не вышел за рамки 2,1 (1923 г.)—2,3 (1926 г.)%.

С переходом к нэпу основная часть частного капитала устремилась в кустарно-ремесленную промышленность и торговлю. Если в 1920 г. доля хозяев, занимавшихся торговлей и при этом использовавших наемный труд, составляла 1,5%, то в 1923 г. — 9,8, а 1926 г. — 17,3% (см. табл. 1). Возросла и численность хозяев торговых заведений, входивших в со-

Таблица 1

Распределение хозяев с наемными рабочими по отраслям народного хозяйства в уральских городах (по данным переписей 1920, 1923 и 1926 гг.)

Отрасли народного хозяйства	1920 г.		1923 г.		1926 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Все отрасли	1619	100	1321	100	2640	100
Сельское хозяйство	1393	86,0	540	40,9	678	25,7
Заводы и фабрики	0	0	28	2,1	60	2,3
Кустарно-ремесл. промышл..	130	8,0	343	26,0	1329	50,3
Строительство	0	0	59	4,4	41	1,55
Транспорт	32	2,0	12	0,9	65	2,5
Торговля	24	1,5	129	9,8	457	17,3
Проч. отрасли народн. хоз-ва	40	2,5	210	15,9	10	0,4

став «хозяев, работающих только с членами семьи», с 711 (1923 г.) до 2187 (1926 г.) чел. или более чем в 3 раза, но их удельный вес среди занятых горожан вырос всего в 2 раза — с 0,2 до 0,4%¹⁸.

Вследствие государственной политики в сфере торговли и особенностей Уральской области в целом¹⁹ в 1926 г. в городах региона предпринимателей среди торговцев было значительно меньше, чем по РСФСР, — 17,3 против 52%. Зато хозяев кустарно-ремесленных заведений среди предпринимателей в уральских городах было существенно больше, чем по Российской Федерации, — 50,3 против 22%²⁰. Это объяснялось тем, что в 1920-е гг. кустарно-ремесленная промышленность в крае получила широкую поддержку со стороны властей из-за тесной связи ее с государственной крупной промышленностью и ее роли в смягчении безработицы и ослаблении товарного дефицита в крае²¹.

Значительную часть городского населения Урала составляли ремесленники и кустари, в число которых входили часть хозяев, работавших только с членами семьи, и хозяева-одиночки. К первым относились владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных заведений, работавшие в составе своей семьи и не прибегавшие к найму рабочей силы. К ним принадлежали хозяева, проживавшие в черте города или пригорода и занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, а также извозным промыслом. Хозяева-одиночки были представлены кустарями и ремесленниками, осуществлявшими промысел своим личным трудом, без чьей-либо помощи, и пользовавшиеся несложным инвентарем. В эту категорию входили и мелкие торговцы, занимавшиеся единолично торговлей, производимой с рук или с небольших лотков, из корзин, мешков, ведер, кувшинов, то есть занимавшихся ручной торговлей²².

По данным переписи 1923 г. в городах Урала социальная группа «хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества» насчитывала 15 341 чел., ее удельный вес среди самостоятельных горожан был равен 3,5%²³, что было ниже показателей по городам СССР (5,1%), РСФСР (4,1%) Европейской России (3,7%)²⁴. Перепись 1926 г. показала, что хозяев-горожан, работавших только с членами семьи, стало больше в 1,6 раза, то есть 25 086 чел., но их доля возросла всего на 0,7% — до 4,2%²⁵, что по-прежнему было ниже аналогичных данных по СССР (5,8%), РСФСР (5,1%) и Европейской России (4,5%)²⁶.

Хозяев-одиночек в уральских городах было в 1923 г. 38 698., а в 1926 г. — 40 359 чел. Однако за этот период их удельный вес среди самостоятельных горожан сократился с 8,9 до 6,8 %²⁷. В итоге, если в 1923 г. данный показатель был чуть выше аналогичного по городам РСФСР (8,5%) и Европейской России (8,2%), но ниже СССР (10,2%), то в 1926 г. он стал на уровне городских поселений Европейской России (6,8%), но по-прежнему ниже показателей по городам СССР (9,1%), а также РСФСР (7,9%)²⁸.

В целом тенденция к росту мелких хозяев объяснялась улучшением их экономического положения в связи с политикой поддержки мелкого кустарного производства со стороны Советского государства. За 1923—1926 гг. число хозяев, работавших только с членами семьи, и членов артели увеличилось

в 1,6 раза, тогда как хозяев-одиночек — всего на 4,3%²⁹. Таким образом, в уральских городах шел естественный процесс дифференциации среди кустарей и ремесленников, во-первых, путем уменьшения бедняцкого слоя и увеличения средних слоев, а во-вторых, за счет вступления в кооперативы части хозяев-одиночек. В итоге, если в 1923 г. хозяева-одиночки превышали хозяев, работавших только с членами семьи, или товарищества в 2,5 раза, то в 1926 г. — только в 1,6³⁰.

Переписи 1920-х гг. показали, что в период нэпа в уральских городах большинство хозяев с членами семьи (1923 г. — 77,8, 1926 г. — 66,8%) было задействовано в сельскохозяйственном производстве, 12 (1923 г.) — 21,7 (1926 г.)% — в кустарно-ремесленной промышленности и строительстве, 4,8 (1923 г.) — 8,7 (1926 г.)% — в торговле и только 1 (1923 г.) — 2,6 (1926 г.)% — на транспорте. Большинство хозяев-одиночек, проживавших в городах Урала, в 1923 г. также было занято в сельском хозяйстве (41,5%) и кустарно-ремесленной промышленности (32,5%), на долю торговли приходилось 14% представителей данной социальной группы, а транспорта — всего 4,8%. Материалы переписи 1926 г. показали, что сельское хозяйство уступило место кустарно-ремесленной промышленности и строительству, где трудилось уже свыше половины (58%) представителей этой группы хозяев. Удельный вес сельскохозяйственного производства в занятиях хозяев-одиночек снизился до 12,6%, а транспорта возрос до 14,1%, доля торговли осталась почти на том же уровне — 14,7%³¹.

В целом, если в 1923 г. более половины всех самостоятельных горожан Урала (28 555 чел.), принадлежавших к социальной группе «хозяева» концентрировалось в сельском хозяйстве, свыше четверти (14 710 чел.) — в кустарно-ремесленной промышленности, 11,3% (6267 чел.) — в торговле, то в 1926 г. уже свыше трети хозяев (25 770 чел.) было задействовано в кустарно-ремесленном производстве, всего треть (22 517 чел.) — сельском хозяйстве. За 1923—1926 гг. доля представителей этой социальной группы в торговле увеличилась всего на 1,3% и достигла 8564 чел. За период между двумя переписями удельный вес хозяев, работавших в сфере строительства и транспорта, вырос более чем в три раза — с 3152 до 10 853 чел.³²

Таким образом, либерализация экономики в рамках нэпа стала основой для существования в самостоятельном городском населении Урала неоднородной по своему составу социальной группы «хозяева». На протяжении 1920-х гг. изменились ее занятия: если в начале нэпа большинство представителей данной социальной группы было задействовано в сельском хозяйстве, то в 1926 г. на первый план вышло кустарно-ремесленное производство, занимавшее значительное место в экономике уральских городов и повлиявшее на занятия хозяев.

Примечания

1. Лебедев Ф. Н. Социально-экономическая структура населения Уралобласти (Из итогов разработки переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. — 1928. — № 7. — С. 117—134; Лебедев Ф. Н. Семья и социальный состав

уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. — Свердловск : Изд. статсектора Уралплана, 1929. — С. 1—61; Лебедев Ф. Н. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти // Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). — Свердловск : Изд. Уралстатотдела, 1929. — С. 3—80.

2. См., к примеру: Анцыгин В. Н. Борьба партийных организаций Урала за вытеснение частного капитала из товарооборота в 1924—1925 гг. // Классовая борьба на Урале (1917—1932 годы): об опыте руководства партийных организаций борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни. — Свердловск : Изд. УрГУ, 1974. — С. 76—85; Сердюков А. А. Партийное руководство социалистическим преобразованием мелкотоварного уклада в промышленности Урала (1926—1932) // Деятельность КПСС по социалистической реконструкции и развитию промышленности Урала (1917—1950) : сб. науч. тр. — Свердловск : Изд. УрГУ, 1984. — С. 56—71; Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале, 1925—1932. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. — 277 с.; и др.

3. Изменения социальной структуры советского общества: 1921—середина 1930-х годов / отв. ред. В. М. Селунская. — М. : Мысль, 1979. — 343 с.

4. Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг.: проблемы социальной структуры. — М. : Наука, 1988. — 168 с.; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М. : РОССПЭН, 2001. — 280 с.

5. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926—1939 гг.). — Новосибирск : Наука, 1984. — 168 с.; Чолахян В. А. Изменения в социальной структуре городского населения Нижнего Поволжья в 1920—1930-е гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического ун-та. — 2007. — № 18 (4). — С. 164—167.

6. Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923—24 г. / ред. В. С. Немчинов, П. Ф. Неволин. — Свердловск : Изд. Уралоблисполкома, 1925. — С. 36, 39; Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — М., 1924. — С. 165—166, 291—292, 417—418; Вып. 3. — М., 1925. — С. 276—277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — Отд. II. — М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. — С. 120.

7. Рассчитано по: Там же.

8. Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг. — С. 48—50.

9. Там же — С. 81—82; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — С. 127.

10. Московский А. С., Исупов В. А. Указ. соч. — С. 158.

11. См.: Изменения социальной структуры советского общества: 1921—середина 1930-х годов. — С. 138.

12. Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. — С. 44; Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг. — С. 53.

13. Подробно об ограничении сферы частнокапиталистического предпринимательства на уровне СССР см.: Изменения социальной структуры советского общества:

1921—середина 1930-х годов. — С. 120—131; Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. — М.: Политиздат, 1982. — С. 11—119; на уровне Урала: Куликов В. М. Указ. соч. — С. 116—166.

14. Таблица составлена и рассчитана по: Уральский статистический ежегодник, 1923—24 г. — С. 39; Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — С. 165, 291, 417; Вып. 3. — С. 276; Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — Отд. II. — С. 120.

15. См.: СУ РСФСР. — 1921. — № 53. — С. 313.

16. Куликов В. М. Указ. соч. — С. 119.

17. Левин. А. Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму (государственный капитализм и частный капитализм). — М. : Экономика, 1967. — С. 78.

18. Рассчитано по: Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — С. 166, 292, 418; Вып. 3. — С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — Отд. II. — С. 243.

19. См.: Анцыгин В. Н. Указ. соч. — С. 78, 84—85; Куликов В. М. Указ. соч. — С. 44.

20. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. — С. 129.

21. См. подробнее: Сердюков А. А. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства в промышленности Урала (1926—1928 годы) // Вопросы истории Урала. — Свердловск : Изд. УрГУ, 1973. — С. 73—87; Сердюков А. А. Партийное руководство социалистическим преобразованием мелкотоварного уклада... — С. 56—71.

22. Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг. — С. 55—56.

23. Рассчитано по: Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — С. 166, 292, 418; Вып. 3. — С. 277.

24. Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг. — С. 48—51.

25. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — Отд. II. — С. 120.

26. Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг. — С. 81—82; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — С. 127.

27. Рассчитано по: Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — С. 166, 292, 418; Вып. 3. — С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — С. 120.

28. Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг. — С. 48—51, 81—82; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — С. 127.

29. Рассчитано по: Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — С. 166, 292, 418; Вып. 3. — С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — С. 120.

30. Рассчитано по: Там же.

31. Рассчитано по: Там же.

32. Рассчитано по: Труды ЦСУ СССР. — Т. XX. — Ч. II. — Вып. 1. — С. 166, 292, 418; Вып. 3. — С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Т. XXI. — С. 120.

Поступила в редакцию 1 июня 2013 г.

ЖУРАВЛЕВА Вера Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент. В настоящее время работает заведующей кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук, филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте. Автор свыше 60 публикаций по проблемам истории Урала 1920—1930-х гг. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru.

ZHURAVLEVA Vera Anatolievna is a Cand. Sc. (History), Associate Professor. Currently she is Head of the Social, Law and Humanities Department of SUSU branch in the town of Zlatoust. She is author of more than 60 publications concerning problems of Ural in 1920—1930. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru.